

Живет в Таллинне (Эстония). Визитная карточка участника.

Катя

Катя не белая и не пушистая.
Годы, что ей помогали выстоять,
вслед электричкам промчались быстро так,
что потеряли счет.
Ей в сорок первом тринадцать. Голодно.
Лают собаки. Ночами холодно.
Что не сожгли, то отняли враги.
Хлебушка бы ещё.

Тридцать.
Пришёл, обаял, убалтывал -
много рассказывал про Прибалтику -
сытую в послевоенной Балтике,
а поутру увёз.
Оборонительный город Палдиски
не уберёг от измен.
Без радости год пролетел,
появление Валдиса - отзвук в купели слёз.

Больше не плакала.
Время – быстрое:
в школу собрать, что запачкал выстирать,
сверить доходы и счастье б выстрадать,
и не смотреть назад
в хвост электрички - в начало проседи.
Нищие просят и много просят ли
не узнавала, и годы бросили
мелочи беглый взгляд -
сгорбили - перемололи косточки.

Ищет в помойке "брульянты" тросточка -
ветхих кастрюль и одежды остовы,
Катя к себе несёт,
кормит мяукающих отходами.
Запах в подъезде стоит "доходами",
под девяносто ей – не находишься,
хлебушка бы ещё...
И приносили соседи пришлые
лишнее где, а когда не лишнее,
только у Кати в душе не вышивка,
прошва и жёстче нет...

Тело сожгло языками пламени
прошлой войны - огневой и каменной.
Ни похорон, ни свечи, ни памяти.
Пепел летит в ответ.
Валдис приехал спустя три месяца,
вывез из зоны квартиры месиво,
только паркет сохранял отметину
с лета до холодов.
Новый хозяин "добро" выветривал -
всё заменил и покрасил в светлое -
белое с рыжим...
Гуляет метрами рыжий среди котов.

Продольные

на Первой, где встречаются начала
и вёсны начинаются вчера,
где сойка ранним утром прозвучала
и хороши с Россини вечера,
где мне знаком не камень, так шпалера,
увившая штакетник под окном,
плывут баржи по Волге, как галеры,
и Павлов дом.

Второй – немного меньшей из продольных,
готовой пальму первенств отрицать,
достались: степь - бескрайнее раздолье
под ковылей расхристанную стать,
к аэропорту ближняя дорога,
моя, как праздник, первая любовь,
четырёхлистник отчего порога,
чужая боль.

Мамаева гора соединяет
и Первую равняет со Второй,
цветы акаций и сирень роняя
на майские, скорбя с Курган-горой.

... они собою повторяют реку –
изгибы и течений берега.
От потоплений держит человека
меня оберегающая гать.

У него

У него на обед черепаховый суп
временами бывает. Хозяин, не глуп,
адюльтер понимает превратно.
По утрам: сигарета, бассейн и массаж,
чашка кофе с "Москвой" - привозной антураж
ностальгии "вполне адекватных".

На Экваторе сроду не будет зимы.
Дождь. Три месяца льёт, перекрёстки умыв,
только джип здесь осилит дорогу,
превращая грунтовые в вязкую слизь.
Кабальеро не терпит прошлое слить,
как всегда, и забыться немного.
У неё на ногах шлёпки цвета "фокстрот",
лет четырнадцать отроду, спрямленный рот
(на работе что хочешь источит),
из одежды - истлевший давно палантин:
смесь футболки и платья, и вырез один,
доходящий до верхней из точек.

Черепашьими кольцами Напо текла,
отражалась в панели. На фоне стекла -
мятый доллар засунут за дворник.
Этот "мэн" никогда не умрёт от щедрот
и уверен, что "он никогда не умрёт",

и прославится точно - во вторник.
Он немного известен и пишет стихи -
возбудимость ума повышает стрихнин
и тактильную чувственность гложет.
Правда, сердце шалит с каждым разом сильнее,
а на пике приходит всё больше теней
отмечать восхитительность ложа.

Позвонки побережья о море кричат,
кружат ночи по смуглым девчачьим плечам,
донимают - рептилии в лицах.
На Проспекте вулканов на толику дней
в чёрно-серых тонах все тенеты длинней
и колибри в орла превратится.

Кордильеры...
Под утро молочный туман
забирается в спальни допить знойный май,
по фаянсу стекая рисунком
в чёрный кофе, корицей в котором зима.
Черепашковым рай освещает луна,
звёздный шлейф за туманы засунув.

